

Но сейчас казалось, что стоит ему лишь слегка кашлянуть, как эти сановники тут же замолчат сами. Истинно великое и поразительное величие императорской власти!

Он смотрел на чиновников, которые изначальной сдержанностью и осторожностью теперь сменили гневные споры с брызжущей во все стороны слюной, и его улыбка постепенно становилась всё шире. Он жестом велел Лу Бину зажечь еще одну благовонную палочку.

Среди этих полутора десятков человек, конечно, нашлись те, кто красноречиво защищал себя, и те, кто упрямо стоял на своем, не опуская голов. Но чем дольше они спорили, тем глубже пускали корни посеянные им мысли.

Еще интереснее было то, что некоторые, казалось, переняли его метод и начали рассуждать логически.

Поистине, множество нелепостей в этом мире не выдерживают никакой критики.

Некоторые современные люди с пеной у рта доказывают, что подобное лечится подобным, и едят то, на что похоже больное место. Но заставь их отведать мозги ученика, вряд ли они смогли бы проглотить хоть кусочек.

Отчего те мужчины, что мечтают повысить потенцию с помощью тигриных половых органов, не погрызут собачьи почки?

Ю Цун бесцельно размышлял добрую половину дня, и, заметив, что обе палочки благовоний догорели дотла, легко кашлянул.

Почти в тот же миг высшие сановники, еще мгновение назад брызгавшие слюной, колотившие по столам и мечущие грозные взгляды, дружно прекратили перепалку и разом, потупив взоры, уселись на места.

Янь Ицин явно тоже получил немало удовольствия от спора — его лицо даже заметно порозовело.

— Промышленность и торговля укрепляют державу вовсе не для того, чтобы умалить значение конфуцианцев, а чтобы рабочие и крестьяне тоже получили свое место и могли лучше служить государству, — ровным голосом произнес Ю Цун. — Вы все видели: ныне знать захватывает крестьянские земли, и министр Чжан, министр Ся со товарищи прилагают усилия к их возврату. Однако этому вопросу следует уделять еще больше внимания, посему Я намерен учредить новую Цзинбу и при ней создать четыре ведомства для детального управления. Что думают об этом почтенные мужи?

На сей раз несогласных взглядов оказалось значительно меньше.

Янь Ицин, дождавшись, пока император кивнет, осторожно произнес:

— Но ведь при дворе... нет достаточного количества людей, способных к делу. Как уже изволил заметить ваше величество, большинство чиновников сведущи лишь в государственных конфуцианских канонах, но понятия не имеют, как должна работать эта Цзинбу. Как же быть?

Ю Цун легко улыбнулся и неторопливо ответил:

— Именно поэтому Я пригласил Ван Шоужэня и Янь Шэня вернуться в столицу.

К тому же, присутствующие здесь уже в преклонных летах, и Я намерен повелеть Императорской врачебной палате в следующий раз поочередно измерить пульс каждому, дабы выписать почтенным господам подходящие оздоровительные рецепты.

Судя по сведениям, которые добыл Лу Бин, Ван Шоужэнь тоже постарел, а ранее еще и терпел придирки от Гуй Э, не имея возможности передохнуть. Если сейчас не вернуть его в столицу и как следует не походить за ним, боюсь, он не протянет и нескольких лет.

Тамошнее государственное обеспечение все-таки оставляло желать лучшего: в императорском дворе одни гибли от засухи, а другие — от наводнений.

Он окинул взглядом этот круг мужчин среднего и пожилого возраста, мысленно соотнося их с только что услышанными именами, и в его памяти начал вырисовываться смутный образ каждого.

Гуй Э и Чжан Цун — это те самые люди, которые в будущем упорно добьются изгнания Янь Ицина и станут причиной того, что этот первый министр в приступе гнева скончается от болезни.

Среди этих сановников одни были продажными, другие — нет, но большинство все же искренне предали себя служению государству и исполняли свой долг до конца.

С кое-какими вещами можно разобраться постепенно, спешить некуда.

Услышав, что опальный Янь Шэнь скоро вернется в столицу, лица нескольких сидевших за столом министров выразили крайнее удивление.

В свое время император до того разгневался на Янь-дажэня, что приказал прямо при дворе избить его палками до развалившегося зада, а теперь вот неожиданно смиростивился и позволил вернуться.

Что ж, для Янь-дажэня это можно назвать возрождением сухого дерева весной.

— Раз вы все уяснили Мою мысль, то после проведете совещание для средних чинов, утвердите соответствующие правила церемониала и кандидатуры, и тогда Мне больше не придется ничего добавлять, — неторопливо произнес Ю Цун. — Право принимать решения по вопросу создания Цзинбу передается первому министру Яню. Надеюсь, все будет улажено в течение полмесяца.

В глазах Чжан Цуна мелькнуло выражение недовольства, но тут же бесследно исчезло.

— Ну хорошо, — Ю Цун кашлянул, сменил позу на более удобную и неторопливо продолжил: — Что вам известно об избыточных должностях и чиновниках в Гуанлусы?

Тема, затронутая императором, сменилась настолько стремительно, что многие еще оставались в полном недоумении.

Лу Бин и люди из Министерства наказаний сработали на славу: они тихонько затащили двух сановников в темницу, не подняв ни малейшего шума и не пустив наружу ни единого звука.

Сообразив, что вряд ли кто-то из присутствующих владеет вопросом, Ю Цун знаком велел Лу Бину сделать объявление, позвал во дворец служанку, потребовал ассорти из сладостей и фруктов, а евнухам приказал подлить чаю гостям.

Хорошо еще, что дело происходило не в современности, иначе от здешнего табачного дыма у людей глаза бы слезились от боли.

Как только Лу Бин завершил доклад, сановники вновь начали переглядываться, понимая, что верхушка Гуанлусы, судя по всему, уже угодила в темницу.

— Я велел людям пересчитать штат: если оставить в Гуанлусы прежние должности, потребуется не менее четырехсот человек для выполнения различных мелких поручений, — небрежно обронил Ю Цун. — Остальных же две тысячи восьмисот с лишним человек Я выгонять не намерен.

Янь Ицин замер и, нахмурившись, поднял руку.

— Первый министр, подождите немного, пока Я не dokonчу, — Ю Цун поднял голову и медленно продолжил: — Среди этих двух тысяч восьмисот человек чуть больше трехсот грамотны и умеют писать.

— Я намерен отправить эти три сотни обучать оставшуюся тысячу двести человек. Спустя два месяца те, кто успешно усвоит науку, пойдут обучать всех остальных — до тех пор, пока грамоту не освоят поголовно.

— Не обязательно постигать стихи и прозу — достаточно уметь читать и переписывать тексты.

Тем, кто справится, жалование будет повышено на одну ступень, а в награду выдадут пять лян серебра. — Оценив примерную степень готовности, Ю Цун добавил: — Желающие отказаться от учебы могут самостоятельно получить биржу и отправиться на императорские земли трудиться простыми крестьянами-земледельцами.

Пять лян серебра способны прокормить их семью несколько месяцев подряд.

В конце концов, государство кормило эту ораву столько лет, так что жалование за каких-то четыре месяца погоды не сделает, а когда проявятся плоды реформ, отдача сторицей окупит затраты.

На лицах нескольких министров отразилось изумление — они явно не могли просчитать, к чему клонит император.

— Спустя четыре месяца Я намерен заняться составлением сводов и канонов, — холодно произнес Ю Цун. — Вы все знаете, что на создание «Юнлэ дадянь» ушли все силы Поднебесной и шесть долгих лет.

— Однако Я желаю составить лишь «Медицинский канон», «Ремесленный канон» и «Сельскохозяйственный канон».

— Пока что этот вопрос подробному обсуждению не подлежит. Надеюсь, господин Гуй подберет подходящую кандидатуру для руководства великим делом обучения грамоте двух тысяч служащих Гуанлусы.

В первый день собрания достаточно было лишь в общих чертах обрисовать собственные замыслы, перекладывая дальнейшие заботы на подчиненных по ступеням и периодически проверяя результаты.

Император сладко зевнул и, с легкой усталостью выслушав долгие воздыхания сановников, под чаек доел половину блюда сладостей, после чего дал знак расходиться.

В последующие дни сонное чиновничество двора словно получило дозу какого-то стимулятора: все наперебой принялись обсуждать совершенно новые понятия.

Хотя Ю Цун повторял одно и то же по кругу, в сущности, он затронул лишь два пункта в крайне сдержанной манере.

Первый — укрепление державы через промышленность и торговлю, второй — учреждение новой Цзинбу.

Но к неожиданности для всех, это на удивление пришлось по вкусу многим молодым ученым мужам. В ту же минуту хвалебные мемориалы-цзоуцзы хлынули потоком, подобно хлопьям

снега, да так густо, что у сановников во Внутреннем кабинете, разбиравших бумаги, не оставалось времени даже на чашку чаю.

Следуя прежним высочайшим указаниям, министры по возвращении домой написали каждый по отчету-размышлению: большинство просто и доходчиво шло в русле императорской мысли, но нашлись и те, кто намеренно попытался пойти наперекор — их доклады были безжалостно отклонены.

Получив одобрение, шесть министерств вновь разослали циркуляры на места, призывая ведомства заняться изучением новой государственной философии.

Услышав об этом, Ю Цун подумал, что слава богу, они жили не в эпоху радиоволн, иначе ему пришлось бы еще организовывать выпуски вечерних новостей.

Он понемногу привыкал к размеренной жизни дворцовых выходов — как утренних, так и вечерних — и вновь отдал приказ Лу Бину отвезти его в Гуанлусы, чтобы собственными глазами взглянуть, куда Гуй Э пристроил этих людей и как они теперь учатся.

Эта поездка наделала немало шума и всерьез напугала министра чинов Гуй Э.

Во всей династии Великая Мин, кроме Чжу Юаньчжана и Чжу Ди, пожалуй, не сыскалось бы другого такого императора-трудоголика, как он.

Подавляющее большинство правителей проводили свои дни затворниками.

Если за всю жизнь кто-нибудь из них пару раз выбирался на юг к реке Цзяннань, это уже считалось великим событием, которое едва не доводило простой народ до отчаяния.

Однако Ю Цун не был трудоголиком в полном смысле слова — им двигала банальная тоска.

Задний дворец был не столь велик, и после двух визитов в императорский сад интерес к нему угас окончательно.

Прежде, работая в Пекине, в дни праздников он неизменно сопровождал родственников и друзей то на Великую стену, то в Гугун. И хотя нынче его душевный настрой переменялся, стоило ему совершить пару кругов по окрестностям, как тоска вновь одолевала его.

Реформы нельзя проводить опрометчиво — всё следует делать последовательно.

Но поручив все дела ведомствам шести министерств, он вдруг остался праздношатающимся.

Он уже проверил шесть министерств, дважды инспектировал Гуанлусы и даже обошел стороной места, где евнухи готовили еду и занимались хозяйством.

С живым интересом указав на упущения в правилах гигиены и безопасности, Ю Цун велел Хуан Цзиню вывесить на стене Дирекции ритуалов свод соответствующих законов по образцу внутреннего дворца, после чего круто повернул назад с твердым намерением нанести визит в Канцелярию по делам дипломатов.

Пройдя полпути, он вдруг вспомнил, как во времена его прежней работы начальство приезжало с инспекцией: повсюду шла генеральная уборка, а подчиненные выглядели так, будто ждали конца света, — и шаги его сами собой замедлились.

— Ладно, не поедем.

Пусть спокойно занимаются своими делами, нечего мешать людям работать, иначе придется задерживаться сверхурочно и они не смогут вовремя вернуться домой к женам и детям.

Император поднял руку, погладил каменного льва на столбу и с обиженным видом тихонько фыркнул, после чего внезапно перевел взгляд на Лу Бина.

Стоило Лу Бину заметить этот сияющий блеск в его глазах, как у него подсознательно возникло желание отступить на шаг назад.

В детские годы, стоило этому маленькому удельному князю затеять какую-нибудь проказливую шалость, в его глазах вспыхивал именно такой огонек.

Разумеется, в дальнейшем ему самому неизменно приходилось отдуваться за все грехи и выслушивать наставления старших, которые таскали его за уши.

— Наверное, простые люди за стенами дворца понятия не имеют, как выглядит император, верно? — неожиданно спросил Ю Цун.

Лу Бин меньше всего хотел отвечать на этот вопрос, но, памятуя о его нынешнем высоком саде, был вынужден напустить на себя храбрость:

— Так и есть, ваше величество.

— Что ж, тогда давай отправимся в тайную вылазку.

Лу Бин улыбнулся:

— Слушаюсь.

Девятая глава

Тайная вылазка?

Лу Бин замер: инстинктивное желание избежать этой головной боли проявилось помимо его воли.

Когда император еще был князем, он тоже жил либо в поместье, либо в загородном имении и наружу выбирался лишь изредка. Окрестности Цзянляна изобиловали богатством и живописными видами, и любоваться ими издали с высокого берега реки было поистине прекрасным занятием.

Но... это же Пекин!

Мало того, что здесь свирепствуют песчаные бури, так еще и улицы донельзя завалены нечистотами. Стоит пойти дождю, как даже дворцовые лошади отказываются ступать по такой дороге.

— Ваше величество... куда вы желаете отправиться? — с трудом выдавил он. — За стенами дворца повсюду таится опасность, не лучше ли...

— О, Я знаю, — невозмутимо ответил Ю Цун. — Ступай, раздобудь мне одежду молодого господина из благородной семьи. Мы отправимся в путь чуть позже, а поужинать заглянем в какой-нибудь винный палочник.

Лу Бин давно привык подчиняться его приказам, но хотя в глубине души его терзало смутное предчувствие беды, он все же ответил поклоном и удалился.

В конце концов, в качестве доверенного лица императора Лу-дажэнь пользовался особым расположением. Стражники у ворот, завидев его одежды с вышитой рыбой, торопливо расплывались в улыбках и наперебой заверяли, что сам Лу-дажэнь почтил их своим вниманием.

Устроившись в повозке и придерживаясь рукой за опорный столб под мерный стук колес, Ю Цун испытывал весьма странное ощущение.

В его фантазиях оба они должны были выглядеть лихими и подтянутыми молодчиками верхом на чистокровных скакунах, ускользнувшими через какой-нибудь тайный лаз.

Впрочем, убедившись, что стража у ворот Запретного города несет службу довольно строго и

досмотр на выходе поставлен жестко, он немного успокоился.

Лу Бин, естественно, сидел как на иголках, мыслями возвращаясь к тому, что он лично вывез императора за пределы дворца. Случись с государем хоть малейшая неприятность — и казни через истребление девяти родов родни наверняка покажется мало.

Будучи одновременно и давним верным товарищем, и близким другом, он все же решился вытащить императора наружу на свой страх и риск.

Когда повозка, покачиваясь и поскрипывая, отъехала довольно далеко, Ю Цун осторожно приподнял занавеску и принялся разглядывать то, что творилось снаружи.

Картина оказалась совершенно не такой, какой он ее себе представлял.

Привыкший к асфальтированным дорогам, сияющим огням, неоновой рекламе и несмолкающему гудку клаксонов, он застал Пекин не только безмолвным, но и сплошь серым.

Убедившись, что они отъехали на безопасное расстояние, Лу Бин велел кучеру держать прежний темп, а сам забрался внутрь повозки и вполголоса осведомился:

— Ваше величество, куда мы держим путь?

Опомнившись, Ю Цун сообразил, что нынешний Пекин едва ли дотягивает по площади до территории внутри второй кольцевой дороги современности, и даже начальная школа у корней императорских стен в районе Хэпинли сошла бы здесь за глухую окраину.

Немного подумав, он изрек весомо:

— Веди Меня, сперва выедем через Ворота Чунвэньмэнь, а там — куда глаза глядят, повернем на восток.

Лу Бин отозвался и снова вылез наружу, чтобы следить за обстановкой по сторонам.

Внимательно всматриваясь в пейзаж, Ю Цун чувствовал, что разница с ожиданиями слишком уж велика.

К тому же... почему отсюда разит таким зловонием?

В его воображении рисовались картины из сериалов про эпоху Китайской Республики: кругом одноэтажные глинобитные домишки, но он никак не ожидал, что здесь все настолько ветхое и запущенное.

Казалось, весь цвет у столицы отобрал Запретный город. Дома людей побогаче еще кое-как могли похвастаться побеленными стенами, но жилища простого люда ничем не отличались от обычной деревни.

Что это за мерзкий запах?

Император втянул носом воздух и, подавив подступившее отвращение, продолжил глазеть по сторонам.

Западная часть города служила местом проживания чиновной знати, что было удобно для посещения утренних докладов, в то время как восточные и южные кварталы заселяли торговцы и коренные пекинцы.

Крепко сжимая рукоять сабли Сючунь, Лу Бин ни на секунду не терял бдительности. К счастью, большинство прохожих не узнавали его в лицо, принимая за выехавшего прогуляться молодого господина из богатой семьи — разве что бросали лишний взгляд на довольно роскошную повозку.

— Лу Бин, зайди внутрь.

Подозвав спутника, Ю Цун откинул занавеску полностью, чтобы удобнее было осматриваться.

Не успел он толком ничего рассмотреть, как зловоние вокруг стало еще сильнее. Хотя они ехали по оживленной конной дороге, смрад стоял такой, что ему поневоле пришлось зажать нос.

— Что здесь творится? Откуда такой жуткий запах?!

— Дело не в этом месте... Ваше величество, — терпеливо пояснил Лу Бин. — И в Западном, и в Восточном городе дело обстоит точно так же.

Вытаращив глаза, Ю Цун ошеломленно произнес:

— То есть они выливают нечистоты вместе с помоями прямо на обочины дорог и перекрестки?! И во всем Пекине так?!

Не успел он договорить, как ему захотелось стукнуть себя по голове.

Подумать только, решил, будто это декорации к историческому сериалу: кругом оживленные торговые улицы, веселье, шум и праздничные гирлянды!

То ведь декорации для съемок! Там есть и обслуживающий персонал, и дворники!

В этом великом государстве нет ни дорожной полиции, ни уличных уборщиков, кругом царит полный кавардак, и до чистоты и уюта Цзяннаня здешним местам явно далеко.

Осмелившись, Лу Бин опустил занавеску на прежнее место и тихонько предложил:

— Быть может, вашему величеству соизволит вернуться во дворец и отдохнуть?

Помолчав пару секунд, Ю Цун с головной болью произнес:

— Возвращаемся.

Ему казалось, что чем дальше едет повозка, тем гуще становился запах человеческих экскрементов.

Местами это напоминало улицы какой-нибудь глухой индийской деревушки.

Если судить по меркам средневековья и Нового времени, Париж и Лондон в ту же эпоху династии Мин выглядели ненамного чище.

Те маленькие окошки в готических высотках как раз и предназначались для того, чтобы выплескивать сквозь них испражнения.

Но так оставлять дело было нельзя.

Великая Поднебесная империя обязана навести порядок даже в туалетных делах!

Хотя Ю Цун чувствовал себя довольно жалко — первая же вылазка за пределы дворца закончилась тем, что его едва не вытошнило от смрада, — так или иначе, у Министерства общественных работ прибавилось забот.

Вернувшись во дворец, император немедленно отправился мыться и вокуривать благовония, а заодно велел Лу Бину тоже сперва привести себя в порядок.

Стражник Цзиньвей с облегчением выдохнул, торопливо удалился, переоделся в чистую одежду и снова застыл в караульном помещении, готовый явиться по первому зову государя.

Немного оправившись после того, как он неторопливо полакомился фруктами и сладостями, Ю Цун принялся обдумывать случившееся.

Нельзя было винить в нынешнем жалком состоянии Пекина исключительно плохую градостроительную мысль.

В конце концов, столицу перенесли сюда посредине правления.

В династии Мин до сих пор сохранялась система двух столиц, и все блага вместе с процветанием оставались в Нанкине, пока Чжу Ди, захвативший власть будучи удельным князем и опасаясь, что его исконные земли в Пекине будут захвачены варварами-татарами, не решился перенести столицу на север.

При этой мысли Ю Цун неожиданно вспомнил об одном человеке.

Во время недавнего совещания ему смутно припомнилось, что тот бородатый дядька, который с такой готовностью одобрял реформы и беспрестанно кивал, звался Чжао Хуаном и был министром общественных работ.

— Хуан Цзинь — объявить министру Чжао о высочайшем соизволении явиться пред очами императора!

Евнух Хуан семенящей походкой подбежал ближе и почтительно уточнил:

— Ваше величество, какого именно министра Чжао изволите звать?

— Из Министерства общественных работ. Скажи, чтобы поторопился.

В ожидании прибытия гостя Ю Цун подозвал еще не успевшего высушить волосы Лу Бина. Бросив взгляд на его напряженную позу, он не удержался от смешка:

— Прибежал сюда с мокрой головой?

Лу Бин коротко качнул головой, по-прежнему глядя в пол.

— Ступай, принеси мне карту Пекина.

Похожий на черного пса мужчина слегка кивнул и поспешно удалился.

Чжао Хуан в это время продолжал засиживаться в Министерстве общественных работ, обсуждая инженерные вопросы, и, услышав о высочайшем приглашении, мгновенно взбодрился.

Он испокон веку отличался широкими и амбициозными помыслами. Еще в те времена, когда на

троне сидел Чжу Хоучжао, а евнух Лю Цзинь с помощью клеветы узурпировал власть и творил всё, что заблагорассудится, так что чиновники гражданских и военных ведомств при встрече с ним не смели поднять глаз и лишь раболепно улыбались, этот суровый муж открыто выказывал презрение и ни в грош не ставил главного евнуха.

За это Лю Цзинь в свое время попросту сместил его с должности помощника начальника столичной управы и выгнал из Пекина.

Позже, после гибели Лю Цзиня, Чжао Хуан не только вернулся на службу, но после смены династии благополучно занял пост министра общественных работ — можно сказать, отделался легким испугом.

Помня обо всем, что император говорил на недавнем совещании, Чжао Хуан буквально бегом бросился во Дворец Небесной Чистоты. Войдя внутрь, он обнаружил, что государь с безмятежным видом лакомится виноградом.

— Любезный министр, оставь церемонии, встань с колен, — Ю Цун отложил виноград и жестом указал на кресло.

— Спрашиваю тебя: как нынче спроектирована система водоотведения в пекинских кварталах?

— Эм... — опешив на мгновение, Чжао Хуан всё же нашелся с ответом: — Имеются открытые и закрытые сточные каналы, вполне пригодные для отвода дождевых вод.

Ах вот оно что.

Мозг Ю Цуна работал на предельной скорости, мгновенно проясняя суть проблемы.

В древности понятия городского благоустройства и конкурсов на звание цивилизованного города не существовало в природе — вся система стоков создавалась исключительно для борьбы с наводнениями.

В таких провинциях, как Хэбэй или Хубэй, лежащих в долинах Хуанхэ и Янцзы, разумеется, предусматривались подземные керамические трубы и тому подобные инженерные решения, но в Пекине от силы бушевали песчаные бури да выпадало полтора десятка дождей в год, так что подобной нужды просто не возникало.

Потому, как бы горожане ни захламляли улицы, власти пускали дело на самотек.

— Земля глубока и водоемы полны, жить в таких местах безопасно, а для удаления скверны есть реки Фэнь и Хуай. Помнит ли господин Чжао, откуда эти слова?

Поразмыслив с минуту, Чжао Хуан неуверенно произнес:

— Кажется... из Цзо чжуань.

— Если в городах скапливаются нечистоты, это неизбежно порождает болезни, — терпеливо пояснил Ю Цун. — Господин Чжао наверняка и сам понимает, каково положение дел в нынешней столице.

Пусть условия проживания князей и сановников оставляют желать лучшего лишь отчасти, но в районах бедноты, если грязь и зловоние останутся прежними, вспышка какой-нибудь эпидемии вроде малярии станет лишь вопросом времени.

— Ваш слуга... ваш слуга виновен!

<http://bllate.org/book/20063/1984648>